

власти остготского племенного вождя (рейкса) до довольно широкой власти самостоятельного правителя всей завоеванной страны. Источники не дают нам, к сожалению, возможности ознакомиться со всеми подробностями этого процесса, но о его результатах, т. е. о важнейших прерогативах королевской власти в остготском государстве, как они выкристаллизовались уже к середине правления Теодориха, мы можем составить себе достаточно полное представление.

Король сохранил все свои права верховного военачальника, хотя сам Теодорих после покорения Италии лично уже не участвовал в военных походах, поручая непосредственное предводительство войсками другим знатым готам (Тулуину, Иббе, Питце и др.)²⁷.

Многочисленные данные королевских указов и рескриптов свидетельствуют, что, кроме того, Теодорих и его преемники пользовались по отношению к своим подданным в Италии верховной административной, судебной и законодательной властью.

Административная власть остготских королей состояла в праве контроля за всеми должностными лицами государства и в праве назначения на все должности центрального и провинциального управления и регламентации деятельности государственных чиновников²⁸. Остготские короли пользовались правом возведения в ранг патриция и могли вмешиваться в дела римского сената, рекомендуя ему принять те или иные административные меры²⁹.

Судебная власть остготских королей заключалась в осуществлении королем верховной юрисдикции в остготском королевстве. Королевский совет (комитат) — о нем подробнее мы скажем ниже — являлся по существу верховным судом королевства. В королевский суд направлялись апелляции по особо важным гражданским и уголовным делам³⁰. Королевский суд являлся последней судебной инстанцией для всех подданных остготского государства как готов, так и римлян. Лишь высшая остготская знать, ближайшие родственники короля, пользовалась привилегией: они

щее значение в центральном (да и в провинциальном) управлении римским институтам и совершенно игнорируют появление новых черт государственного развития. Например, Г. Сарториус отстаивает идею полной незыблемости римских институтов и неспособности остготов изменить их (G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen während ihrer Herrschaft in Italien. . ., S. 76—106). Т. Моммзен видит значение остготского завоевания в сохранении римской государственной системы и приписывает римским учреждениям неизменность и решающее значение в государственном управлении (Th. Mommsen Ostgothische Studien, S. 362—484). Концепция Моммзена оказала влияние на многих исследователей. См.: L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. I, S. 227 f.; T. Hodgkin. Italy and her invaders, vol. III, book IV. Oxford, 1896; M. Deanesly. A history of early medieval Europe 476—to 911. London, 1956, cap. III, p. 33—53; H. W. Davis. Medieval Europe. London—New York, 1946, p. 31—37; F. Lot. Les invasions Germaniques. Paris, 1945; L. Halphen. Les barbares, vol. V de la série «Peuples et Civilisations». Paris, 1948, p. 79—87. Германисты же отстаивают теорию наличия дуализма в государственном управлении остготского королевства, полагая, что для римлян была оставлена старая римская государственная система, а для остготов — создана новая, по германскому образцу, с преобладанием военных элементов (см.: F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III. Würzburg, 1866; I. G. F. Manso. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien; K. Hegel. Geschichte der Städteverfassung von Italien seit der Zeit der römischen Herrschaft bis zum Ausgang des XII. Jahrhunderts. Leipzig, 1847; W. Ensslin. Teoderich der Grosse; M. Brion. Théodoric, roi des ostrogoths (454—562). Paris, 1935.

²⁷ Cassiod., Var., VIII, 10, § 5—6.

²⁸ Ibid., V, 14, § 7.

²⁹ Ibid., VIII, 21.

³⁰ Королевский суд принимал, например, апелляции по имущественным искам о захвате земель (ibid., II, 18; III, 37; IV, 39, 40, 44; V, 12); о разделе наследства (ibid., I, 7, 8).